

- (далее – Материалы...) Вып. 1–45; Ф. 13159. Оп. 1–7.
10. Материалы... Вып. 1. Тетр. №1–3; Вып. 2. Тетр. №5; Вып. 3. Тетр. №10; Вып. 4. Тетр. №14. С. 8–10; Вып. 7. С. 4–5
11. Новый Сатирикон. 1916. №16. С. 5; №21. С. 9.
12. РГВИА. Ф. 13159. Оп. 6. Д. 1892. Л. 12–14, 47–48об., 141–148; *Асташов А.Б.* Пропаганда на Русской фронте в годы Первой мировой войны. М., 2012. С. 82, 356.
13. РГВИА. Ф. 13159. Оп. 6. Д. 1803. Л. 140об.; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1067. Л. 54, 83–87об.; Ф. 2070. Оп. 1. Д. 365. Л. 24; Ф. 16142. Оп. 2. Д. 14. Л. 448–448об.
14. Опыт мировых войн в истории России: сб. ст. / редкол: И.В Нарский и др. Челябинск, 2007. С. 493; *Shumann D.* Europa, der Erste Weltkrieg und die Nachkriegszeit. Eine Kontinuitaet der Gewalt // *Journal of Modern European History.* 2003. № 1. S. 32.
15. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 784. Л. 2, 9–9об., 97–97об, 118, 119, 157об., 163–164.
16. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 544. Л. 26; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 59об., 153, 198, 228, 293, 375; Д. 3863. Л. 4; Ф. 2122. Оп. 1. Д. 967. Ч. 2. Л. 346об., 375, 382, 426об.
17. *Read J.M.* Op. cit.
18. РГВИА. Ф. 13159. Оп. 6. Д. 1803. Л. 147, 150; Оп. 7. Д. 222. Л. 10.

М. Эггер

**Дипломатическое урегулирование проблемы
военнопленных на Восточном фронте
(на примере четырех конференций Красного
Креста в Стокгольме в 1915–1917 гг.)***

Основные принципы ведения войны были закреплены в Гаагских конвенциях (1899 и 1907 гг.), но базовые правила обращения с военнопленными существовали еще накануне Первой мировой войны.

---

* Перевод с английского А. Дудиной, А. Малыгиной.

Однако до 1914 г. ни военные, ни дипломаты не могли предвидеть огромного числа пленных Первой мировой войны. В плену оказалось около девяти миллионов солдат, и большинство из них эта участь постигла на Восточном фронте. В то время как Центральные Державы захватили в плен примерно 2,7 млн русских, Россией было взято в плен около 2,1 млн солдат Австро-Венгрии и 170 тыс. немецких офицеров и солдат¹. Такое большое число военнопленных создавало серьезные проблемы, так как значительные потери личного состава могли привести к развалу всего фронта. Более того, военнопленные создавали трудности в экономической сфере и в сфере безопасности. Сотни тысяч вражеских солдат — хотя и безоружных, — не просто размещались в тылу под охраной, но нуждались в содержании. Это было непростой задачей². Наконец, не менее важным было и то, что военнослужащие представляли собой дипломатическую проблему. Хотя в Гаагских конвенциях и были обозначены основные принципы обращения с военнопленными, вскоре стало ясно, что этого недостаточно³.

Поэтому, дабы не рисковать жизнями сотен тысяч своих соотечественников, властям в Берлине, Вене и Петрограде пришлось искать новые пути для обеспечения гуманного обращения с военнопленными. Одним из таких путей стало инициирование переговоров между воюющими блоками с целью дальнейшего развития законов обращения с военнопленными, с опорой на принцип взаимности. Четыре конференции в Стокгольме являются примером именно такого, дипломатического способа решения проблемы. На этих конференциях на нейтральной территории представители австрийского, венгерского, германского и русского Обществ Красного Креста, имели возможность при поддержке своих правительств вести переговоры о судьбе военнопленных.

Представляемая вашему вниманию статья анализирует эти четыре конференции с тем, чтобы с трех разных сторон посмотреть на проблему военнопленных на Восточном фронте в 1914–1918 гг. Во-первых, в статье будет доказана важность национальных Обществ Красного Креста, которые тесно взаимодействовали со своими правительствами по вопросам дипломатического урегулирования проблемы военнопленных между Австро-Венгрией, Германией и Россией. Во-вторых, будет сделан вывод о том, что в отличие от ситуации с Западным фронтом, здесь в определенной степени играли свою роль связи между ари-

стократическими кругами трех империй, и данный фактор был важен для инициирования этих конференций. В-третьих, будет показано, что делегаты этих конференций существенно усовершенствовали положения Гаагских конвенций, касающиеся норм обращения с военнопленными.

Спустя лишь четыре месяца войны 278 тыс. австро-венгерских офицеров и солдат стали военнопленными и большинство из них содержались в России⁴. В это же время 300 тыс. русских солдат попали в руки к немцам⁵ и около 200 тыс. русских и сербских солдат были захвачены в плен Австро-Венгерской армией⁶. Огромное число военнопленных создавало трудности всем трем империям, а также обнажило слабые стороны Гаагских конвенций. Одним из таких недостатков был вопрос о содержании военнопленных. По этому поводу говорилось лишь то, что пленные могут быть размещены «в городах, крепостях, лагерях и на других территориях». Отсутствовали какие-либо четкие формулировки касательно типа или устройства жилья, а также о минимальных стандартах санитарии и гигиены. В других вопросах, таких как обеспечение почтовой переписки, снабжение, питание военнопленных, а также передача для них *Liebesgaben* (так называемых «подарков с любовью» с Родины), также обнаруживалась недостаточная проработанность Гаагских конвенций, что подразумевало возможность излишне широкой интерпретации их статей.

Огромное число военнопленных, а также тревожные новости об ужасающих условиях жизни и, как следствие, постоянных эпидемиях, доходившие в 1914–1915 гг. до столиц трех империй — все это требовало незамедлительных действий по спасению жизней сотен тысяч соотечественников. Изначально правительствам был доступен только один способ: вмешательство в ситуацию через вражеское государство. Это, однако, на практике оказалось слишком трудоемким, а успех зачастую был сомнительным⁷. Затем в ход пошли и другие действия, к которым в частности стали прибегать в Берлине и Вене для того, чтобы улучшить положение военнопленных, находившихся в России. С одной стороны, Центральные державы добивались введения масштабной гуманитарной помощи, первая из которых была предоставлена зимой 1914–1915 гг. (так называемая *Jörgen'sche relief action*)⁸. С другой стороны, с весны 1915 г. поддержку встретила и инициати-

ва по началу прямых переговоров с Россией относительно обращения с военнопленными⁹. Реализация плана, подразумевавшего привлечение к заботе о судьбе военнопленных национальных Обществ Красного Креста, было выгодно правительствам воюющих держав. Эти национальные Общества имели тесные связи с правящими династиями и правительствами своих стран. При этом, действуя под эгидой Красного Креста, они сохраняли определенную долю нейтральности, и формально оставались независимыми организациями. Через эти национальные Общества правительства трех воюющих держав получали возможность взаимодействовать с Обществами Красного Креста на вражеских территориях, в обход длительных переговоров на государственном уровне.

Этот способ прямого контакта был еще более выигрышным потому, что существовала тесная связь между аристократическими кругами правящих домов и Красным Крестом. Принц Макс Баденский не только активно участвовал в судьбе военнопленных, находившихся на попечении Красного Креста Бадена, он также был племянником Марии Федоровны, вдовствующей императрицы и патронессы Русского Общества Красного Креста¹⁰. В письме к своей тете, принц Макс предлагал начать прямые переговоры, чтобы обеспечить «принципы гуманного обращения с военнопленными». Он «предложил местом встречи Стокгольм не только из-за его географического положения, но еще и потому, что принц Карл Шведский, президент Шведского Красного Креста, женатый на племяннице Императрицы, предложил стать непредвзятым арбитром для решения данного вопроса»¹¹.

Мария Федоровна поддержала своего племянника и выступила за осуществление этого проекта русским правительством¹². Российские «непреложные правила, требующие проведения встречи под руководством президента Шведского Красного Креста, принца Карла, и ограничение дискуссии и консультаций только вопросами, касающимися военнопленных»¹³, были приняты Центральными державами, и, таким образом, появилась возможность 22 ноября 1915 г. проведения первой Стокгольмской конференции.

Русскую делегацию возглавлял Алексей фон Арбузов, председатель Комитета Освобождения военнопленных Информационного бюро Русского Красного Креста. Австрийскую делегацию возглавлял барон Маркус фон Шпигельфельд, президент Общего информацион-

ного офиса военнопленных Красного Креста. Венгерскую делегацию возглавлял граф Альберт Аппони, представитель Комитета Освобождения военнопленных Венгерского Красного Креста. Принц Макс Баденский и господин фон Кёрнер стояли во главе немецкой делегации. Так как принц Карл только время от времени мог участвовать в самих заседаниях, де-факто работой конференции руководил бывший министр обороны Швеции Альфред фон Лагерхайм. Ему помогал президент Комитета Освобождения военнопленных Шведского Красного Креста¹⁴.

Барон Шпигельфельд заранее подготовил состоящую из 15 пунктов программу¹⁵, которая, за исключением одного пункта, была принята российской делегацией. Также, основываясь на анализе официальных протоколов конференции, создается впечатление, что делегации из Австро-Венгрии и Германии действовали активнее, чем их русские коллеги¹⁶. Эту нерешительность можно хотя бы отчасти объяснить характером самого Арбузова, которого Шпигельфельд описывал как «умного, но застенчивого»¹⁷.

Несмотря на то, что источником многочисленных конфликтов могли служить отдельные предметные области, и «столкновение менталитетов было иногда очень интенсивным»¹⁸, а жаркие споры возникали даже между немецкой и австро-венгерской делегациями¹⁹, делегаты за 9 дней сумели разработать всеобъемлющий протокол, в котором принципы обращения с военнопленными были описаны детальнее и подробнее, чем в Гаагских конвенциях²⁰. Например, в окончательном протоколе значилось, что «военнопленных нельзя перемещать на территории с вредным для здоровья климатом, и что с них нельзя требовать выполнения работ, превышающих их силу»²¹. Более того, в протоколе содержались подробные требования к содержанию военнопленных, обеспечению почтового сообщения и возможности получать поддержку с Родины. Этот проект Совместной комиссии (*Commission mixte*) подразумевал поочередные взаимные инспекции²².

Принимая во внимание тот факт, что у делегаций не было полномочий принимать обязательные к исполнению резолюции²³, для вступления протокола в силу требовалась соответствующая ратификация в Берлине, Вене и Петрограде. На деле этот процесс серьезно затянулся. Так как представители Красного Креста из трех империй, которые

впоследствии должны были войти в Совместную комиссию, прибыли в Стокгольм в мае 1916 г., заседания под шведским председательством возобновились с тем, чтобы завершить работу над протоколом²⁴. Алексей фон Арбузов вновь стал представителем русской стороны, австрийский Красный Крест представлял барон Рудольф фон Слатин, венгерский Красный Крест направил на переговоры Пауля Кисс фон Немескера, а немецкий Красный Крест представлял Рудольф Г. Петерсен²⁵.

Эта конференция была омрачена «делом “Португалии”»²⁶, которое является примером трудностей, возникавших на пути национальных Обществ Красного Креста, стремившихся действовать прагматично и держаться в стороне от дипломатических интриг. Только австрийский делегат, барон фон Слатин, более известный как Слатин-паша, был сторонником прагматического подхода. Он указывал на то что «так как Красному Кресту не дозволено проверить, была ли действительно “Португалия” госпитальным судном, необходимо выразить соболезнования. В случае же если флаг Красного Креста был просто использован не по назначению, еще будет время отказаться от соболезнований и заявить протест»²⁷. Слатин опасался, что русский военный министр воспользуется инцидентом с «Португалией» для того, чтобы воспрепятствовать работе Совместной комиссии и сотрудниц Красного Креста (так называемых “Schwesternreisen”), которые навещали соотечественников в лагерях военнопленных. Поэтому Слатин пытался убедить австро-венгерских и немецких коллег проявить сдержанность²⁸. Однако его усилия не увенчались успехом. Коллективное заявление немецкого, австрийского и венгерского Обществ Красного Креста от 11 мая 1916 г. гласило, что «российские требования, которые напрямую противоречат официальным турецким отчетам, и являются собой ничто иное как лживое притворство, единодушно отвергнуты»²⁹. Таким образом русскому правительству предоставили предлог для того, чтобы уклониться от реализации плана Совместной комиссии (*Commission mixte*). Помимо этого итоговый протокол первой Стокгольмской конференции был переработан лишь в незначительной мере и был подписан участвовавшими представителями Обществ Красного Креста 13 мая 1916 г.³⁰ Это соглашение все же было ратифицировано тремя правительствами, хотя Россия отказалась учесть «рекомендации касательно

пасторской опеки (pastoral care) и лагерного комитета для немецких военнопленных, равно как и [...] [положение о] взаимных проверках»³¹.

Через полгода после завершения второй конференции представители Обществ Красного Креста трех держав в третий раз собрались в шведской столице с 14 по 19 декабря 1916 г. Принц Карл как и прежде оказал покровительство и лично присутствовал как минимум на двух заседаниях. В его отсутствие переговоры возглавляли Альфред фон Лагерхайм или господин фон Кедеркранц. В заседаниях участвовали также Вильгельм Дидринг (Шведский Красный Крест), господа фон Кёрнер и Петерсен (Немецкий Красный Крест), господа фон Арбузов и Навашин (Русский Красный Крест), господин фон Фаркас (Венгерский Красный Крест), а также барон фон Шпигельфельд и Клиндер фон Клиндерсторф (Австрийский Красный Крест)³².

Хотя предыдущие две конференции уже рассматривали различные аспекты обращения с военнопленными, на сей раз фон Арбузов предложил значительно более структурированную программу. В этот раз предполагалось рассмотреть три вопроса, каждый из которых в той или иной мере был связан с обращением с больными военнопленными, при том что особое внимание уделялось больным туберкулезом. По рекомендации принца Карла на переговорах также обсуждался вопрос о широком обмене недееспособными военнопленными. В качестве экспертов-медиков к переговорам были привлечены врачи Мадсен (Дания) и Неандер (Швеция). Переговоры проходили достаточно гладко, что позволило участникам подготовить итоговый протокол к 18 декабря и подписать его на следующий день во дворце принца Карла³³.

Итоговый протокол третьей конференции по проработанности вопросов, связанных с обращением с больными и ранеными, существенно отличался от майского протокола 1916 г. «Заинтересованным правительствам рекомендовано определить возможность создания централизованных учреждений [для больных пленников и медицинских услуг], с тем, чтобы обеспечить более специализированное медицинское обслуживание больных»³⁴. Помимо этого были разработаны подробные инструкции касательно предотвращения эпидемий цинги, а наиболее обширные и детальные рекомендации касались лечения военнопленных, больных туберкулезом. В этих инструкциях не просто указывалось на необходимость создания специальных карантинных

зон, но оговаривались стандартные процедуры учреждения и пропускного режима таких зон. Контроль за соблюдением этих правил должны были осуществлять восемь медицинских комиссий³⁵, в каждую из которых входил бы врач от нейтрального государства, высшее должностное лицо военной медицинской службы инспектируемого государства, а также представитель национального Общества Красного Креста инспектируемого государства»³⁶. В настоящее время достаточно трудно определить, насколько полно были реализованы решения этой конференции. Тем не менее, доподлинно известно, что особые лагеря для военнопленных, больных туберкулезом, были образованы в Австро-Венгрии, и что в России также были предприняты в этом направлении определенные усилия³⁷.

В последний, четвертый раз представители Обществ Красного Креста встретились в Стокгольме 4 августа 1917 г. На этот раз в конференции не участвовали делегаты от Немецкого Общества Красного Креста. В шведской столице под председательством принца Карла встретились лишь граф Шпигельфельд³⁸, господа фон Арбузов и Навашин. Повестка переговоров включала двенадцать пунктов, в том числе такие, как «выполнение решений конференции от 19 декабря 1916 г., касательно специальных лагерей для военнопленных, страдающих туберкулезом», «транспортировка “подарков с любовью“ по Балтийскому морю», «вопрос о привлечении военнопленных к строительству мурманской железной дороги»³⁹. Центральное место, однако, было отведено разработке различных вариантов обмена больших групп военнопленных. Итогом трехдневной работы стал вывод о том, что «единственным способом спасения жизни и здоровья очень большого числа военнопленных является масштабный обмен»⁴⁰. Однако, по причине нехватки топлива, шведская железная дорога не могла быть использована для транспортировки тех групп военнопленных, которыми воевавшие державы готовы были обменяться. Репатриацию пришлось бы осуществлять по Балтийскому морю. Для немедленной реализации этих планов участвовавшие в конференции представители Обществ Красного Креста заключили соглашение по трем пунктам. Во-первых, граф фон Шпигельфельд должен был добиться официальной гарантии от германского правительства, что подводные лодки не будут атаковать корабли с военнопленными⁴¹. Во-вторых, представители делегаций ре-

шили в своих странах всячески содействовать реализации инициативы принца Карла о проведении «встречи представителей военных властей соответствующих стран с тем, чтобы обсудить технические и военные вопросы, связанные с военнопленными и их обменом»⁴².

В итоге было принято решение о том, что работа конференции должна быть приостановлена до 21 августа с тем, чтобы граф фон Шпигельфельд смог получить необходимые гарантии от Германии. Шпигельфельд незамедлительно направился в Вену, где 15 августа проинформировал императора Карла о выработанных на конференции рекомендациях. Кроме того, он обратился к императору с просьбой получить от Германии необходимое формальное заявление. Молодой монарх оказал необходимую поддержку, однако его усилия оказались тщетны⁴³. Генерал Людендорф направил в Вену сообщение, в котором говорилось о «необходимости учесть невозможность предоставления гарантий безопасности транспортных средств и осуществления обмена посредством морских коммуникаций с учетом военных действий на море»⁴⁴. Взамен этого он предлагал осуществлять обмен военнопленными непосредственно на фронте.

С такими известиями фон Шпигельфельд в сопровождении представителя венгерского Красного Креста Пауля Кисс фон Немескера вернулся в Стокгольм, где 22 и 23 августа 1917 г. конференция продолжила свою работу. Даже несмотря на то, что в связи с несогласием Германии вопрос о масштабных обменах военнопленными был временно снят с повестки, по другим вопросам конференция работала весьма успешно⁴⁵. Безусловно, самым значимым предложением, инициированным конференцией, было предложение принца Карла добиваться непосредственных переговоров представителей трех военных министров. Идея принца нашла воплощение через несколько недель, на конференции в Копенгагене, которая прошла с 15 октября по 2 ноября 1917 г.⁴⁶

В период с 1915 по 1918 гг. страны Антанты и блока Центральных держав встречались на западе, юге и востоке с тем, чтобы урегулировать вопросы, связанные с военнопленными⁴⁷. Ситуация на Восточном фронте значительно отличалась от того, как обстояли дела на других фронтах Первой мировой. В то время как «представители западных национальных Обществ Красного Креста не были готовы доверять представителям вражеской стороны — даже если последние были членами

таких же, но вражеских, Обществ Красного Креста»⁴⁸, на востоке, как мы убедились, были готовы проявлять больше доверия. Помимо этого, все четыре Общества Красного Креста имели тесные связи с правящими династиями, а также с аристократией. В отличие от Западного фронта, контакты между аристократическими кругами трех империй не были прерваны войной и, как мы видим на примере конференций Красного Креста, использовались для того, чтобы облегчить участь военнопленных. Эти факторы не только способствовали успеху усилий представителей национальных Обществ Красного Креста в разгар войны, но также позволяли делегациям обсуждать широкий спектр вопросов. В то время как конференции с участием Германии, Франции и Великобритании почти исключительно решали вопросы обмена недееспособными⁴⁹, четыре стокгольмских конференции не ограничивались этими проблемами. Напротив, они существенно дополняли и расширяли базовые нормы международного права, регулировавшего обращение с военнопленными⁵⁰, а некоторые результаты договоренностей, достигнутых в Стокгольме, нашли воплощение в Конвенции об обращении с военнопленными от 27 июля 1929 г.

Примечания

1. *Nachtigal R.* Zur Anzahl der Kriegsgefangenen im Ersten Weltkrieg // *Militärgeschichtliche Zeitschrift*. Nr. 67 (2008). S. 345–384.
2. *Oltmer J.* Funktionen und Erfahrungen von Kriegsgefangenschaft im Europa des Ersten Weltkriegs // *Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs* / Hrsg. von Jochen Oltmer [Krieg in der Geschichte]. Paderborn u.a.: Ferdinand Schöningh, 2006. S. 11–23.
3. *Speed R.B.* Prisoners, Diplomats and the Great War. A Study in the Diplomacy of Captivity. New York: Westport; London: Greenwood Press, 1990. P. 6f. and 17f.
4. Tabellen zur Entwicklung der Öst.-ung Wehrmacht vom Kriegsbeginn bis Anfang Mai 1916 // *Militärwissenschaftliche Mitteilungen*. 64. Nr. 1 (1933). Tafel II.
5. *Nachtigal R.* Op. cit. S. 350.
6. *Leidinger H., Moritz V.* Verwaltete Massen. Kriegsgefangene in der Donaumonarchie 1914–1918 // *Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs*. S. 38.

7. *Raabl-Werner H., von.* Österreich-Ungarns offizielle Kriegsgefangenenfürsorge // In Feindeshand. Die Gefangenschaft im Weltkriege in Einzeldarstellungen / Hrsg. von Hans Weiland und Leopold Kern. Wien: Göth, 1931. S. 325; *Streeruwitz E. S. R., von.* Kriegsgefangene im Weltkrieg 1914–1918. Typoskript o. J. Bd 1. S. 130f. Касательно условий содержания в лагерях австро-венгерских, немецких и русских военнопленных зимой 1914–1915 гг. см.: Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs / Hrsg. von J. Oltmer. [Krieg in der Geschichte]. Paderborn [u.a]: Ferdinand Schöningh, 2006.
8. Österreichisches Staatsarchiv (ÖStA), Haus-, Hof- und Staatsarchiv, Administrative Registratur F36/388, Akt Jörgensche Hilfsaktion in Sibirien Z. 7325/7 1915; Akt ad. Nr. 5641/7 1915; und: Schriftstück 104529/7 Beilage 2.
9. ÖStA, Kriegsarchiv (KA), Kriegsministerium (KM) 1915: 10. Abt. 10/35/26.
10. *Davis G.H.* National Red Cross Societies and Prisoners of War in Russia, 1914–1918 // Journal of Contemporary History. 28. Nr. 1 (1993). P. 39f. and 43f.; *Nachtigal R.* Rußland und seine österreichisch-ungarischen Kriegsgefangenen (1914–1918). Remshalden: Verlag Bernhard Albert Greiner, 2003. S. 77–79, 99–100 und 102. По Австро-Венгрии см.: *Egger M.* Der institutionelle Rahmen der Kriegsgefangenenfürsorge der Habsburgermonarchie 1914–1918 // Storia e Futuro. Rivista di storia e storiografia. Nr. 28 (2012).
11. *Prinz Max von Baden.* Erinnerungen und Dokumente. Berlin; Leipzig: Deutsche Verlagsanstalt, 1928. S. 18.
12. Ibid.
13. ÖStA, KA, KM 10. Abt. 1915: 10/36/9/10.
14. ÖStA, KA, KM Abt. 10/Kgf. 1916: 10/35/40/14.
15. *Marcus Graf Matz von Spiegelfeld.* Lebenserinnerungen. (Typo-skript) o.J. 1924. Privatbesitz. S. 367f.
16. ÖStA, KA, KM Abt. 10/Kgf. 1916: 10/35/40/14.
17. *Marcus Graf Matz von Spiegelfeld.* Lebenserinnerungen. S. 370.
18. *Prinz Max von Baden.* Op. cit. S. 18.
19. *Marcus Graf Matz von Spiegelfeld.* Lebenserinnerungen. S. 368f.
20. ÖStA, KA, KM Abt. 10/Kgf. 1916: 10/35/40/14.
21. Ibid.

22. Ibid.
23. Военные ведомства Германии и Австрии в ходе подготовки конференции имели намерение «воспрепятствовать нежелательным обсуждениям и договоренностям среди представителей Красного Креста». ÖStA, KA, KM 10. Abt. 1915: 10/35/26.
24. University Library Durham (ULD), SAD 440/9/26-35.
25. Procés-Verbal. Signé à Stockholm, le 13 Mai 1916.
26. 30 марта 1916 г. германская подлодка потопила госпитальный корабль русского Красного Креста «Португалия». Подробное описание инцидента и его последствий см.: *Nachtigal R. Rußland und seine österreichisch-ungarischen Kriegsgefangenen (1914–1918)*. S. 123–126.
27. ULD, SAD 440/9/22.
28. ULD, SAD 440/9/22-23 and: SAD 440/5/1–67.
29. ULD, SAD 440/9/34.
30. Procés-Verbal. Signé à Stockholm, le 13 Mai 1916.
31. ÖStA, KA, KM Abt. 10/Kgf. 1916: 10/35/144/10.
32. ÖStA, KA, KM Abt. 10/Kgf. 1917: 10/35/37.
33. Ibid.
34. Ibid.
35. Ibid.
36. Ibid.
37. Ibid.
38. Барон Маркус фон Шпигельфельд получил от императора Карла I титул графа весной 1917 г. Подробнее см.: *Gothaisches Genealogisches Taschenbuch der Gräflichen Häuser*. Gotha: Justus Perthes, 1918. S. 911.
39. ÖStA, KA, KM Abt. 10/Kgf. 1917: 10/35/37/17.
40. Ibid.
41. Ibid.
42. Ibid.
43. Ibid.
44. Ibid.
45. Ibid.
46. Conference de Copenhague, Octobre-Novembre 1917. Procés-Verbal et Protocole de Clôture.
47. *Jones H. Violence against Prisoners of War in the First World War. Britain, France and Germany, 1914–1920* / Ed. by J. Winter // *Studies in*

Social and Cultural History of Modern Warfare. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 14.; ÖStA, KA, KM Präsidium 1918/19: 62/8/4.

48. *Jones H.* International or transnational? Humanitarian action during the First World War // *European Review of History* 16. Nr. 5 (2009). P. 701.
49. *Jones H.* Violence against Prisoners of War in the First World War... P. 14.
50. Алан Крамер недавно поставил под сомнение вопрос о значимости стокгольмских соглашений, достигнутых в мае и декабре 1916 г.: «стокгольмские соглашения от 13 мая и 19 декабря 1916 г. [...] повторяли многие правила, уже существовавшие в международном праве. [...] Тем не менее произошло сокращение норм продовольственного пайка военнопленных: их паек теперь не должен был соответствовать пайку солдат той армии, в плену у которой они находились [...]. Это создавало потенциальную угрозу жизни военнопленных, занятых физическим трудом, хотя тем, кто выполнял особо тяжелую работу, полагалось такое же усиленное питание, какое получали гражданские рабочие [...]» (Цит. по: *Kramer A.* Prisoners in the First World War // *Prisoners in War* / Ed. by Sibylle Scheipers. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 77). Тем не менее, если сравнивать отдельные статьи обоих соглашений с соответствующими положениями двух Гаагских конвенций, это мнение не находит подтверждения. В них нет ни большого количества повторений, ни занижения стандартов обращения с военнопленными. Наоборот, в отличие от расплывчатых формулировок статьи 7 главы 2 мы находим подробные указания касательно размещения и обращения. Как зафиксировано в Стокгольмском протоколе от 15 мая 1916 г.: «Военнопленные должны пользоваться адекватным обращением и условиями размещения. Прежде всего, это касается соответствующих условий труда и интенсивности труда. [...] Ежедневный паек в любых обстоятельствах должен соответствовать физиологическим потребностям. [...] Условия содержания и обращения с военнопленными должны находиться под постоянным и пристальным надзором».